

Л.В. Забровская*

**Современная историография о традициях
китайской внешней политики:
поиски общего и особенного¹**

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию современной историографии проблем китайской традиционной сюзеренно-вассальной системы. Автор рассматривает вопросы эволюции сюзеренно-вассальных отношений Китая и соседних стран. Подчёркивается, что китайская традиционная система международных отношений имеет ряд преимуществ перед Вестфальской системой. Некоторые элементы китайской традиционной системы внешних связей присутствуют во внешней политике КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, сюзеренно-вассальная система, Восточная Азия, внешняя политика Китая.

На протяжении многих веков китайская дипломатия создавала систему взглядов и принципов общения с окружавшими Китай «варварами», к которым традиционно относилось как население пограничных с Китаем государств, так и не имевшие своей государственности племена и народности. Китайские императоры рассматривали окружавших Китай «варваров» в качестве вассалов, подразделяя их на две категории — ближние *фань* и дальние *шу*, а система отношений Китая с вассалами носила название *фань-шу гуаньси* («отношения с близкими и дальними вассалами»), которая включала в себя

---

* Лариса Вячеславовна Забровская, д.и.н., Отдел китаеведения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия; E-mail: larisa51@hotmail.com

---

© Забровская Л.В., 2016

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-01-00131.

обширный церемониал принятия подвассальных послов, форм получения дани, одаривания вассалов подарками и др. По сути, это являлось разновидностью бартерной торговли, что устраивало как Китай, так и его соседей. При этом император Китая рассматривал себя в качестве сюзерена и высоко ценил признание «варварами» своего военно-политического приоритета. Подобная система отношений Китая с соседями просуществовала до конца XIX в. и вызывала недоумение и неверные трактовки со стороны европейцев, начавших активно проникать в Китай во второй половине XIX в.

Ранее зарубежная историография изучала этот китайский феномен как исторический факт, имевший место в прошлом, и не стремилась проводить параллели с современной политикой КНР, и тем более не связывали особенности китайских традиционных внешнеполитических взглядов с китайскими принципами установления государственных границ и сфер влияния.

Во второй половине XIX в. европейская колониальная держава, Франция, первая столкнулась при попытке превратить Вьетнам в свою колонию с существованием особых связей между этим государством и Китаем. Это стимулировало французскую историческую науку направить усилия на пристальное изучение особенностей китайско-вьетнамских отношений. Заслугой французского востоковедения является то, что оно заложило фундамент для дальнейшего исследования природы столь необычных для европейцев внешнеполитических связей Китая со своими соседями, закрепила в мировой науке терминологию, дающую ключ к пониманию сущности такого рода внешнеполитических контактов.

В 1960-х — начале 1970-х годов США, ввязавшись в войну во Вьетнаме, также были вынуждены обратить внимание на особо тесные отношения между современным Вьетнамом и КНР, что, в свою очередь, вызвало интерес у американских политиков и военных к исторической основе подобных взаимосвязей. Это побудило американских синологов провести ряд исследований, раскрывающих характер отношений Китая со своими соседями в период феодализма.

В работах Дж. Фэрбэнка и в коллективных трудах, изданных под его редакцией [3; 4; 5], обращалось внимание на то, как и под воздействием каких обстоятельств происходила эрозия традиционной основы отношений Китая с окружающими его странами. При этом основное внимание в американских исследованиях уделялось экономическому аспекту таких связей. У Дж. Фэрбэнка и его коллег были все основания полагать, что дань, периодически приносимая китайскими соседями пекинскому двору, являлась ничем иным как

разновидностью бартерной торговли и была выгодна обеим сторонам. По всей видимости, прав был китайский историк Сыма Цянь, отмечавший в своих «Исторических записках», что «вся гармония в Поднебесной приходит с появлением выгоды, все беспорядки в Поднебесной наступают с уходом выгоды».

В целом американская историография при изучении традиционного китайского миропорядка акцентировала внимание на «цивилизаторской» миссии западноевропейских стран и США в Восточной Азии, что отнюдь не способствовало раскрытию сущности китайского традиционного мироустройства, тем не менее эта точка зрения продолжает господствовать в современной американской историографии.

Так, например, «цивилизаторской» точки зрения придерживается американский исследователь Дж. Хэвиа. В его фундаментальной работе «Превращение Китая в „совершенно равного“» [6] тщательно подобраны и обобщены выводы из всех известных англоязычных дипломатических документов, мемуаров миссионеров, бизнесменов, живших в Китае в конце XIX — начале XX вв., содержание которых подтверждает его утверждение о том, что только благодаря просветительству Запада Китай смог стать современной державой.

Наиболее пристальное внимание он обратил на поведение и мировоззрение китайских государственных деятелей и дипломатов в период восстания ихэтуаней (1898–1901), используя события того времени в качестве иллюстративного материала для подтверждения своей концепции об исключительно прогрессивной роли западноевропейцев в приобщении Китая к европейским культурным ценностям, что, по его мнению, и сделало Китай «совершенно равным» в отношениях с другими странами. В этом Дж. Хэвиа видит большую заслугу западноевропейцев перед китайской цивилизацией. Понятно, что в таком контексте нет места всестороннему изучению китайских традиционных принципов ведения международных дел и определения китайских сфер влияния.

В 1960–1970-е годы в американской историографии наряду с обоснованием концепции о «цивилизаторской» миссии западноевропейцев в Восточной Азии велись исследования по реконструкции схемы китайского традиционного мироустройства. В 1960-е годы Н. Гинсбург воссоздал китайскую древнюю систему международного порядка. Китайское убеждение, что Китай — центр мира, исходя из чего древние китайцы подразделяли окружающие страны на категории в соответствии с их географической удалённостью и культурной идентичностью с центром мира, было положено Н. Гинсбургом в основу воссоздаваемой китайской модели мира. Согласно его исследованию, древняя китайская модель мироустройства в традиционном

китайском понимании состояла из пяти сфер: центральная сфера — ядро мироустройства, вторая сфера — центральная часть, третья сфера — территория Внутренней Азии, четвёртая сфера — территория Внешней Азии, пятая сфера — остальной мир [8, р. 138–140].

В англоязычной историографии утвердилось мнение, что эта модель вполне применима и при анализе внешней политики КНР, хотя при этом и оговариваются некоторые малозначительные различия между традиционной и современной китайскими моделями внешней политики. Так, в составленной Дж. Камиллери модели внешней политики КНР периода 1950–1970-х годов также пять сфер, но в ней в отличие от традиционной больше внимания уделено политическому весу того или иного государства на международной арене, чем географической или идеологической близости к КНР [2].

Остаётся также отметить, что в обеих моделях классификации китайских соседей (согласно результатам исследований Н. Гинсбурга и Дж. Камиллери) только Корейский полуостров вошёл во вторую сферу, как территория, близкая к Китаю по своему географическому положению и культурным ценностям и оказывающая большое влияние на суверенитет и безопасность Китая. Остальные китайские соседи оказались в третьей и четвёртой сферах.

В начале XXI в. китайская экономика показывала феноменальный рост, что позволило КНР занять лидирующие позиции на мировой политической арене. В то же время обострились китайско-японские политико-экономические противоречия и борьба за лидерство в Восточной Азии. Эти события вызвали новый всплеск интереса к китайским традиционным политическим воззрениям и их проявлению в современной внешней политике КНР. Внешнеполитические вопросы нашли отражение в работах зарубежных учёных, которые ради объяснения этих явлений вновь обратились к доктринам китайской традиционной политики. Известный американский исследователь Дэвид Кан в своей монографии «Восточная Азия до Запада: пять столетий торговли и дани» [9] обратил внимание на то, что те страны Восточной Азии, где власти руководствовались конфуцианскими ценностями (Китай, Корея, Вьетнам и Япония) в течение пяти последних веков очень редко воевали между собой, но активно развивали торговые и культурные связи.

Он сравнил систему отношений между странами с конфуцианской идеологией с принципами Вестфальской системы международных отношений и сделал вывод о ряде преимуществ восточно-азиатской модели международных отношений. Д. Кан пришёл к выводу, что поскольку в китайской сюзеренно-вассальной системе все

окружавшие Китай государства и народности находились в определённой иерархической зависимости от Китая, признавали его в качестве сюзерена и защитника их интересов, поэтому у китайских соседей не было необходимости заключать друг с другом альянсы для охраны своих территорий, а «побуждали их выбирать торговлю вместо конфликтов и войн» [9, р. 221].

Соглашаясь с этими наблюдениями Д. Кана, южнокорейский исследователь Хон Вонтак в своей монографии «Восточно-азиатская история: тройственный подход» указывает на особенности международной жизни этого азиатского региона, которая заключалась в том, что в период феодализма военные действия велись, как правило, между Китаем и северными кочевниками. При минском Китае Пекин предпочитал откупаться от кочевников, а не воевать с ними. Со своими ближайшими вассалами — Кореей и Вьетнамом, минский Китай также воевал лишь в крайнем случае, предпочитая действовать дипломатическим путём. Так, Пекин поддержал нового корейского короля из династии Чосон после того, как один из генералов предшествующей династии Корё замыслил поход против минского Китая [7, р. 98]. Против Вьетнама Мины предприняли одно вторжение в 1407 г. в целях «преподания урока» строптивому вьетнамскому королю, но вскоре вывели свои войска с вьетнамской земли, не обнаружив при этом желания присоединить часть территории своего соседа.

Хон Вонтак пришёл к выводу, что войны с кочевниками происходили потому, что последние не входили в систему конфуцианской культуры и не признавали верховенство Китая. По его мнению, только в период цинского Китая произошло полноценное вовлечение кочевников в систему сюзеренно-вассальных связей и они перестали угрожать Китаю [7, р. 381]. Это произошло благодаря созданию к северу от Великой китайской стены системы контроля за местными племенами и народностями, ежегодного принятия от них дани и одаривания их подарками, а также разрешения торговать с китайскими купцами.

В связи с вышеуказанными китайскими внешнеполитическими традициями оба автора задают вопрос — как прореагируют современные страны Восточной Азии на нынешнее возвышение Китая и станут ли они признавать его, как раньше, своим гегемоном. Не отвечая однозначно на этот вопрос, они отмечают, что историческая память остается сильным фактором дальнейшего развития международных отношений в регионе Восточной Азии и вполне возможно воссоздание традиционных принципов отношений Китая с соседними государствами.

Отечественная историография только с конца 1960-х годов стала уделять внимание изучению традиционных отношений Китая со своими соседями, причиной чему послужили советско-китайские межпартийные и идеологические разногласия. Советским идеологам потребовались знания исторических причин тесного политико-идеологического взаимодействия китайских лидеров с одними азиатскими государствами и ожесточенных споров с другими.

Параллельно с этим изучались и вопросы, касающиеся как территориальных претензий КНР к окружающим её государствам, так и причин выдвижения китайскими лидерами реестра территориальных требований к соседям. Однако, как и американские исследователи, советские учёные не видели тесной взаимосвязи между территориальными претензиями КНР к своим соседям и традиционными воззрениями китайской внешнеполитической доктрины, рассматривавшей земли близких вассалов (*фань*) в качестве своей внутренней территории. Более того, советская историография старалась избегать открытой оценки пограничных споров КНР с соседями, зная, насколько болезненно это могут воспринять как в Пекине, так и в столицах других азиатских государств.

В целом в зарубежной и отечественной историографии уделялось недостаточно внимания политической стороне отношений Китая с соседями, совершенно не изучался вопрос о принципах формирования межгосударственных границ в контексте китайской традиционной доктрины международных отношений, а также почти не затрагивался вопрос о том, почему и насколько устраивала китайских соседей подобная форма отношений с Китаем, просуществовавшая в Восточной Азии с древности до конца XIX в.

Частично эти вопросы нашли отражение в монографии Г.Ф. Мурашевой «Вьетнамо-китайские отношения в XVIII–XIX вв.» [1], в которой показано, насколько острые формы приобретали контакты Китая с его южным соседом, и как ловко вьетнамские феодалы пользовались принципами вассальной системы в борьбе за власть. При этом, однако, не учитывалось, что в китайско-вьетнамских отношениях в период феодализма было больше особенного, чем типичного для связей Китая с окружавшими его странами.

Хотя в начале XX в. Китай был вынужден принять европейское международное право и учредить МИД, однако многие факты свидетельствуют, что китайские лидеры продолжали вкладывать традиционный смысл при исполнении тех или иных внешнеполитических акций. Подобную картину можно наблюдать в отношениях КНР со своими ближайшими соседями. Особенно показательна в

этом плане краткосрочная китайско-вьетнамская война февраля 1979 г., когда китайское правительство решило «преподать урок» Вьетнаму, введя свои войска на его территорию.

В то время характер военных действий между КНР и Вьетнамом вызвал противоречивые отклики среди иностранных экспертов. По мнению советских официальных комментаторов, эта война являлась недоразумением, она не имела, по их убеждению, права на возникновение, так как согласно теории марксизма-ленинизма, не могло быть непримиримых противоречий между социалистическими странами. Все их объяснения не шли дальше утверждения об «особой агрессивности маоистской идеологии». Они не видели в этом случае связь с традиционными взглядами китайских правителей о «правильности отношений с подвассальными государствами». Сохранение в китайской печати периода этой войны феодальной терминологии также свидетельствовало о том, что китайское традиционное миропредставление остаётся прежним.

Известно, что история развивается циклично и многие события прошлого повторяются в новых исторических обстоятельствах. При использовании европейского международного права и институтов современные китайские внешнеполитические воззрения не утратили черты китаецентризма, чувства превосходства Китая над другими народами. Поэтому современное возвышение Китая способно оказать непосредственное влияние на формирование нового международного порядка в Восточной Азии.

Литература

1. *Мурашова Г.Ф.* Вьетнамо-китайские отношения в XVIII–XIX вв. М.: ГРВЛ, 1973. 159 с.
2. *Camilleri J.* The Chinese Foreign Policy, the Maoist Era and Its Aftermath. Seattle: Seattle Univ. Press, 1980. 271 p.
3. *The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations.* Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1980. 231 p.
4. *Fairbank J.K., Reischauer E.O., Craig A.M.* East Asia: Tradition and Transformation. Boston: M.E. Sharpe, 1973. 311 p.
5. *Fairbank J.K., Ssu Yu-teng.* On the Ching Tributary System // *Ching Administration.* Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1960. Pp. 115–137.
6. *Hevia J.L.* Making China «Perfectly Equal»? // *The Journal of Historical Sociology.* Oxford. Vol. 3, № 4. December 1990. Pp. 378–400.
7. *Hong Wontack.* East Asian History: A Tripolar Approach. Kudara: Kudara International, 2010. 478 p.
8. *Ginsburg N.* On the Chinese Perception of a World Order // *China in Crisis / Ed. by Tsou Tang.* Vol. 2. Chicago: Chicago Univ. Press, 1968. Pp. 119–142.

9. *Kang D.C.* East Asia before the West: Five Centuries of Trade and Tribute. Columbia: Columbia Univ. Press, 2010. 240 p.

L.V. Zabrovskaya*

**Modern historians on the traditions of Chinese foreign policy:
search for general and special**

ABSTRACT: The article presents a review of contemporary historiography of Chinese traditional foreign policy system. The author observes evolution in the suzerain-vassal relations of China and its neighbouring countries. It is underlined that the Chinese tributary system did a much better job over a longer period of time, than the Westphalian system at maintaining peace and promoting commerce among states. Even though Chinese leaders had imposed on their country an outlook of compliance with the European-style international law, there is considerable evidence that they did not give up their own ideas in foreign policy, some elements of which can still be found in the foreign policy of the PRC.

KEYWORDS: China, Chinese tributary system, East Asia, Chinese foreign policy.

*Zabrovskaya Larisa Vyacheslavovna, Dr. habil. (History), Center of Chinese Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern People. Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia; E-mail: larisa51@hotmail.com